

М. В. ИВАНОВ

МИР ШВЕЙЦАРИИ В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»

Книга В. В. Сиповского «Н. М. Карамзин, автор „Писем русского путешественника“», вышедшая в свет в 1899 г., является последним по времени отдельным крупным исследованием на русском языке, посвященным «Письмам». Естественно, что впоследствии ученые, создавая обобщающие работы о творчестве Карамзина, вынуждены были основываться на выводах, данных в книге Сиповского, хотя очевидно, что методология этого значительного для своего времени труда достаточно устарела. Основной тезис Сиповского состоит в том, что своеобразие художественной природы «Писем» заключается в промежуточном положении, которое они занимают между двумя типами путешествий: «сентиментальными» (стернианскими) и «научными» (типа путеvodителей).¹ Промежуточность же выражается в том, что в «Письмах» есть элементы и того, и другого типа путешествий. Такая интерпретация «Писем» и была принята советскими и зарубежными литературоведами.² В их трудах также говорится о сентиментальной, или чувствительной, или субъективной стороне «Писем» и об информативной, или просветительской (в данном случае синоним слову «осведомительная»).

С точки зрения современной научной методологии подобный подход к художественному произведению не может не вызвать возражений. Мировоззрение писателя должно пониматься как единое целое, хотя система элементов этого целого представляет очень сложную структуру. Стиль же писателя, как художественное воплощение его мировоззрения, также обладает единством и системностью. Поэтому едва ли оправдано представление об ав-

---

¹ Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899, с. 374—375.

² Например: Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. М., 1960, с. 537—540. — Из зарубежных трудов назовем недавно вышедшую на английском языке книгу Кросса: Cross A. N. M. Karamsin. A Study of His Literary Career. 1783—1803. London and Amsterdam, 1971, p. 65—95.

торе «Писем русского путешественника» как о «частичном» сентименталисте. В таком случае понятие «сентиментализм» не только сужается, но и теряет свойство системности. Под сентиментальным тогда понимается набор эмоций (чувствительность в форме меланхолии, тихого восторга и проч.) и набор «чувствительных» ситуаций (умиление ребенком, ночные размышления о тщете бытия). «Сентиментальные» (в подобном понимании) элементы, конечно, не создают более высокого единства с «несентиментальными» элементами, и, следовательно, художественное произведение представляется как смещение изолированных друг от друга, замкнутых «корпускул».

Отказ от подобного подхода к «Письмам» виден в статье Е. И. Купреяновой «Русская повесть конца XVIII в.»,³ хотя несколько абзацев анализа «Писем» позволили только декларировать единство этого произведения Карамзина. В трудах многих советских ученых выдвинуты плодотворные идеи, которые позволяют по-новому подойти к творчеству Карамзина, но идеи эти, к сожалению, пока не реализованы при конкретном анализе «Писем».⁴ Не учтен и ряд ценных наблюдений над «Письмами», сделанных при рассмотрении общих проблем творчества Карамзина. Так, например, очень важными представляются идеи П. Н. Беркова, писавшего, что в свете этического идеала Карамзина иной, более глубокий смысл приобретает «Письма русского путешественника»,⁵ что пужно учесть «одну черту этого произведения, едва ли не важнейшую, — национальную позицию автора».⁶

Говоря о работах, посвященных «Письмам», пужно заметить, что информативная часть «Писем» понимается как совокупность нейтральных сведений о культуре, быте, нравах, памятниках, истории европейских народов. Но возможен и другой подход: проанализировать, что именно интересует «русского путешественника» в быте, в культуре страны, в жизни его великих современников и т. д., т. е. какие элементы объективного мира выделяет и группирует сознание субъекта, а затем попытаться установить единство субъективного и объективного в «Письмах». Такой подход требует конкретного изучения структуры «Писем». Настоящая статья имеет более скромную цель: дать системный анализ одного эпизода «Писем» — пребывания Карамзина в Швейцарии. Главы о Швейцарии меньше других напоминают путеводитель и,

³ В кн.: История русского романа. М., 1962, т. I, с. 68—70.

⁴ Например: Лотман Ю. М. Эволюция мировоззрения Карамзина (1783—1803). — Уч. зап. Тартуского унив., вып. 51, 1957, с. 122—166; Макогоненко Г. П. Литературная позиция Карамзина в XIX веке. — Русская литература, 1962, № 1, с. 68—106.

⁵ Берков П. Н. Державин и Карамзин в истории русской литературы. — В кн.: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII—начала XIX в. XVIII век. Сб. 8. М.—Л., 1969, с. 15.

⁶ Берков П. П., Макогоненко Г. П. Жизнь и творчество Карамзина. — В кн.: Карамзин Н. М. Избр. соч. в 2 томах, т. II. М.—Л., 1964, с. 24.

по мнению Кросса, являются наиболее «сентиментальными» и наименее «просветительскими».⁷ При исследовании швейцарской части «Писем» представляется необходимость сперва рассмотреть ее внутреннюю структуру, а затем ее соотношение с другими частями (особенно французской).

Вступая на швейцарскую землю, Карамзин посвящает ей возвышенные, восторженные слова. Это гимн в прозе: «Итак, я уже в Швейцарии <...> в земле свободы и благополучия! Кажется, что здешний воздух имеет в себе нечто оживляющее: дыхание мое стало легче и свободнее, стан мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверх, и я с гордостью помышляю о своем человечестве».⁸ Не Россия, не отечество, а именно Швейцария заставляет Карамзина почувствовать себя человеком, представителем человечества. Карамзин любил и ценил швейцарских писателей середины XVIII в. — Геснера и Галлера и переводил их. В «Письмах» Карамзин обильно их цитирует, говорит о своем восхищении их творениями, рассказывает о посещении могилы Геснера, и т. д. Но Швейцария в «Письмах» изображена отнюдь не в духе спокойной созерцательного Галлера, автора поэмы «Альпы», и не в духе умиленного Геснера, воспевающего счастливых жителей швейцарской Аркадии, жизнь которых протекала в далеком прошлом. В определенном смысле Карамзин — наследник Геснера, но между ними есть еще одно промежуточное звено. Между ними стоит писатель, который также ценил Геснера, но который камерной, спокойной, «чувствительной» жизни швейцарских пастухов придавал злободневное и общечеловеческое значение — вместо пресных моральных сентенций выдвинул глубокую и страстную философию. Этот писатель был Руссо. И, начиная свой рассказ о Швейцарии с гимна «земле свободы», с «помыслов о своем человечестве», Карамзин как бы заявляет, что будет судить о ней, основываясь на взглядах Руссо. И в дальнейшем отчетливо видно, как Карамзин осмысливает жизнь швейцарцев на базе социальных, политических, экономических, этических, религиозных и эстетических идей Руссо.

Карамзин говорит об экономических и социальных условиях благосостояния швейцарцев: «Сие, можно сказать, цветущее состояние швейцарских земледельцев происходит наиболее оттого, что они не платят почти никаких податей и живут в совершенной свободе и независимости, отдавая правлению только десятую часть из собираемых ими полевых плодов» (I, 249). Карамзин переводит песню швейцарского юноши, который гордится тем, что его соотечественники «не знают роскоши, которая свободных

---

⁷ Cross A. N. M. Karamzin..., p. 81.

⁸ Карамзин Н. М. Избр. соч. в 2 томах, т. I, с. 207 (в дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы).

в рабов, в тиранов превращает»⁹ (I, 222). Карамзин спокойно говорит, что «хлебники, сапожники, портные играют часто важнейшие роли в базельской республике» (I, 212), хотя сам скорее симпатизирует аристократической республике, прототипом которой является Спарта — страна суровых и сильных людей и сильной власти.¹⁰ «Мудрые цюрихские законодатели, — пишет Карамзин, — знали, что роскошь бывает гробом вольности» (I, 239). Но основой счастья швейцарцев является их добродетель, с потерей которой они могут потерять все: от нравственной болезни «рано или поздно умирает свобода в республиках» (I, 247). Поэтому и эстетические вкусы швейцарцев основаны на морали: «Иногда сходятся две, три, четыре приятельницы — разговаривают дружески — вместе работают или читают Геснера, Клопштока, Томсона и других писателей и поэтов, которые не приводят целомудрия в краску» (I, 238).

Если это и идиллия, то идиллия в духе Руссо, а не Геснера. Карамзин «помышляет о своем человечестве», изображая жизнь свободных тружеников — детей «натуры», которые «хорошо понимают язык сердца» (I, 226), которые добродетельны, суровы, скромны и живут в братском союзе. Нетрудно узнать здесь идеал Руссо.¹¹

Однако недостаточно сказать о близости общетеоретического подхода к Швейцарии Руссо и Карамзина. Общность наблюдается и в методе изображения жизни швейцарцев. Многие конкретные черты швейцарского быта Карамзин осмысляет в свете «теорий», философски, то, что лежит на поверхности, связывает с широким кругом общечеловеческих проблем, т. е. через Руссо Карамзин усвоил просветительский метод изображения.¹² Вот, например, как пишет Карамзин о бернских домах: «Домы почти все одинакие: из белого камня, в три этажа, и представляют глазам образ равенства в состоянии жителей, не так, как в иных больших городах Европы, где часто низкая хижина преклоняется к земле под тенью колоссальных палат» (I, 249—250). Вряд ли возможно это назвать беспристрастным описанием архитектуры. По своей

⁹ На связь содержания этой песни с идеями Руссо указал Ю. М. Лотман в статье «Руссо в русской культуре XVIII века» (в кн.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 584).

¹⁰ Спарта была идеалом и Платона, и Руссо, которые оказали влияние на формирование мировоззрения Карамзина. Подробнее см.: Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина. — В кн.: Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1966 (Библиотека поэта. Большая серия), с. 7—18.

¹¹ О восприятии Карамзиным ряда идей Руссо писал Х. Роте в недавно вышедшей монографии (Rothe H. N. M. Karamsin europäische Reise. Berlin—Zürich, 1968). Но эта преемственность идей не учитывается немецким исследователем при анализе швейцарских глав «Писем».

¹² На существование двух планов — житейского и философского — в прозе просветителей указал Н. Я. Берковский в статье «Реализм буржуазного общества и вопросы истории литературы» (в кн.: Западный сборник. Л.—М., 1937, с. 53—58).

структуре это высказывание ближе к публицистике просветителей, чем к скрупулезным сообщениям справочников-путеводителей. Сделай Карамзин революционный вывод из этого философского, «руссоистского» описания — его можно было бы выразить в крылатой фразе Шамфора: «Мир лижипам — война дворцам». Такой же философский подход наблюдается и при изображении ряда сцен из жизни швейцарцев. Своё пребывание в долине Гасли Карамзин сперва живописует, казалось бы, в стиле идиллического Геснера: «На всяком лужке отдыхал я по нескольку минут и если не руками, то по меньшей мере глазами своим ласкал каждую травку вокруг себя. Я пришел в маленькую горную деревеньку, которой жители ведут пастушью жизнь во всей простоте ее» (I, 262). Далее Карамзин дает описание амбаров, в которых делают сыр, и встречи с пастухом, принесшим чашку воды «русскому путешественнику». «Я взял чашку, — продолжает Карамзин, — и если бы не побоялся пролить воды, то конечно бы обнял пастуха с таким чувством, с каким брат обнимает брата: столь любезен казался он мне в ту минуту!» (I, 262). И тут же Карамзин предается мыслям о прелести естественной жизни, о горьких плодах просвещения, о счастье человека природы, т. е. мыслит как последователь Руссо: «Для чего не родились мы в те времена, когда все люди были пастухами и братьями! Я с радостью отказался бы от многих удобностей жизни (которыми обязаны мы просвещению дней наших), чтобы возвратиться в первобытное состояние человека. Всеми истинными удовольствиями — теми, в которых участвует сердце и которые нас подлинно счастливыми делают, — наслаждались люди и тогда, и еще более, нежели ныне <...> Теперь жилище и одежда наше покойнее: но покойнее ли сердце? Ах, нет! Тысячи забот, тысячи беспокойств, которых не знал человек в прежнем своем состоянии, терзают ныне внутренность нашу» (I, 262—263).

Итак, изображая жизнь швейцарцев, Карамзин выступает как последователь Руссо. Но руссоизм Карамзина определяет только композицию швейцарских глав, он «локален». Для Руссо Швейцария является мерилем оценки других государств. В «Новой Элоизе», в «Письме к Д'Аламберу» и в других произведениях Швейцария и Франция противопоставлены как обитель естественных добродетелей и гнездо «цивилизованных», порочных страстей. Такой антитезы в «Письмах» Карамзина нет: писатель о Франции отзывался столь же восторженно, как и о Швейцарии. Мировоззрение Карамзина обладает значительной долей релятивизма, оно не организовано в столь ясную и четкую систему, как мировоззрение просветителей, но в этом нужно видеть не слабость, а большую чуткость писателя, решившего изобразить Европу, попавшую в водоворот бурных событий, когда история опровергала теории. Между Карамзиным и Руссо лежит великая французская революция — событие, оказавшее огромное воздействие на развитие общественной мысли. Для Руссо естественной

является жизнь человека природы, а история — лучший способ оправдания тиранов. Для Карамзина жизнь общества — не менее естественный процесс, который не позволяет безнаказанно проводить над собой эксперименты. Единство жизни нации понимается уже не только в территориальном или этническом аспекте, но и в историческом. Но после драматических событий французской революции, в начале 1790-х годов, история представлялась многим мыслителям как страшная, непреодолимая сила. Поэтому для исторических концепций того времени характерны защита традиций, определенный политический консерватизм, с одной стороны, и скептицизм, иногда переходящий в исторический пессимизм, — с другой (см., например, систему позднего Фонвизина). Эти же черты присущи и мировоззрению Карамзина. «Всякие насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот», — писал Карамзин (I, 382). Огромное историческое значение французской революции Карамзин видит в том, что она на практике доказала эту истину.¹³

Карамзин считает бесперспективными попытки изменить жизнь общества «снизу». И в этом он сторонник идей просветителей, выступавших против народной революции. В «Письмах» Карамзин, правда, еще придерживается просветительских взглядов и на деятельность монарха, признавая революцию «сверху» (см. высказывание Карамзина о Петре I в письме из Парижа, помеченном маем 1790 г.). Но в дальнейшем писатель «сужает» сферу деятельности царя, видя смысл этой деятельности скорее в сохранении традиций, чем в насаждении нового (см. его «Записку о древней и новой России», где, кстати, начинания Петра I оцениваются в основном отрицательно). В 1790-е годы, в период создания «Писем», Карамзин находился в оппозиции к екатерининскому и павловскому режиму и был далек от восхищения состоянием России. Но в «насильственных потрясениях» писатель видел еще большее зло, поэтому-то он так пессимистически и оценивал состояние русского общества. Но тем больше восторгался он Швейцарией: ведь в ней идеальная жизнь возникла без потрясений, естественно. Многие черты швейцарского уклада, по Карамзину, должны быть присущи любому идеальному государству, но не все. Карамзин отходит от чистого теоретизирования и внимательно присматривается к конкретным формам жизни других наций, прошедших свой исторический путь. И поэтому он готов положительно оценить в общественном бытии «просвещенных» стран (Англии, Франции) многие черты, которые не присущи бытию швейцарцев, а иногда и противопоказаны ему.

Итак, изображение Швейцарии в «Письмах русского путешественника» невозможно разделить на «чувствительные» и «ин-

¹³ Об отношении Карамзина к французской революции в период издания «Московского журнала» см. в статье П. Н. Беркова и Г. П. Макогоненко «Жизнь и творчество Карамзина», с. 11—13.

формативные» элементы. Взятые отдельно, некоторые сцены из «Писем» могут действительно приближаться к одному из этих полюсов. Но свое истинное значение многие сцены обретают только в соотношении их со всей системой изображения Швейцарии. «Чувствительные» сцены получают свое истинное значение только при руссоистском понимании чувствительности «естественного» человека — со многими вытекающими из этого социально-политическими выводами. В швейцарских главах «Писем» отчетливо прослеживается генетическая связь мировоззрения Карамзина с идеями Просвещения. Но для Карамзина идеи Просвещения уже не образуют системы абсолютных истин, поэтому они не являются конструктивной основой политической программы писателя. Не определяют они и всю структуру «Писем русского путешественника», а только структуру глав о Швейцарии. Единство «Писем» определяет не внеличностная система истин, как это было в просветительском романе, а мировосприятие конкретного путешественника — свидетеля грандиозных событий, происходящих в Европе, и прежде всего в этом, а не в излишней чувствительности и агностицизме проявляется субъективизм Карамзина. Сентиментализм Карамзина имеет значительный идейный фундамент, включающий в себя и идеи Просвещения, и идею исторического единства жизни нации.